

Ницше Фридрих

"Сумерки кумиров"

Помрачение кумиров

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
"Сумерки кумиров": Помрачение кумиров / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2023. – 328 с.

ISBN 978-5-519-99905-2

Произведение "Сумерки кумиров" ("Götzen-Dammerung") пер. также под загл: Помрачение кумиров; Сумерки идолов
Содержание: Вагнеровский вопрос; Сумерки кумиров; Ницше против Вагнера; Стихотворения
FB U 441/387FB U 31/1036OMF Ф 1-79/11735MFK
801-16/1065

ISBN 978-5-519-99905-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я позволяю себѣ немного отвести душу. Во мнѣ говоритъ не одна только злоба, когда я въ этомъ сочиненіи расхваливаю Бизэ въ ущербъ Вагнеру.

Среди многихъ шутокъ я привожу одно обстоятельство, съ которымъ шутить нельзя. Отпасть отъ Вагнера было для меня—судьбой; вновь полюбить что-нибудь послѣ того—было побѣдой. Никто, можетъ-быть, какъ я, не сживался такъ опасно съ вагнеризмомъ, никто не вооружался такъ сильно противъ него, никто такъ не желалъ отъ него освободиться... Длинная исторія! — Какъ назвать ее? Если бы я былъ моралистомъ—кто знаетъ, какъ бы я ее назвалъ?. Можетъ-быть—*самопреодоленіе*... Но философъ не любитъ моралиста... не любитъ онъ также и красивыхъ словъ. Что прежде всего и въ концѣ-концовъ требуетъ отъ себя философъ?—Преодолѣть

въ себѣ самомъ свое время, стать «безвременнымъ»,—вотъ съ чѣмъ ему приходится выдерживать самую жестокую борьбу, которая все-таки дѣлаетъ его сыномъ своего времени... Ну, а я настолько же, какъ и Вагнеръ, сынъ своего времени, иначе говоря—*декадентъ*: только наше различіе въ томъ, что я это понялъ и вооружился противъ этого. Философъ во мнѣ вооружился противъ этого.

Что меня глубже всего захватило—это въ сущности и есть вопросъ декадентства. У меня были на это причины. Проблема «добра и зла» есть только видоизмѣненіе этого вопроса.

Достаточно открыть глаза на признаки упадка и вырожденія, какъ начинаешь понимать и ихъ мораль,—начинаешь понимать, что кроется подъ ихъ священнѣйшими понятіями и опредѣленіями цѣнностей:—объединяющая жизнь, воля, къ концу великая усталость. Ихъ мораль *отрицаетъ* жизнь. Для такой задачи мнѣ нужна была собственная дисциплина: я долженъ былъ возстать противъ всего больного во мнѣ, включая Вагнера, включая Шопенгауэра, включая все современное человечество. Глубокое отчужденіе, охлажденіе, отрезвленіе отъ всего временнаго, современнаго,—и какъ высшее желаніе—глазъ

Зоратустры, глазъ, который на всю сущность человѣка смотритъ съ огромнаго разстоянія, *подъ собой* видитъ его... Какая жертва покажется тяжелой для такой цѣли? — Какое «самопреодоленіе»? какое «самоотреченіе»? — Это великое событіе моей жизни было *выздоровленіемъ*. Вагнеръ принадлежалъ только къ моимъ болѣзнямъ. Но я не могу быть неблагодарнымъ этой болѣзни. Если я этимъ сочиненіемъ устанавливаю то положеніе, что Вагнеръ вреденъ, то не менѣе этого я хочу указать, для *кого* онъ однако неизбѣженъ,—именно для философа. Другіе могутъ, быть-можетъ, обойтись безъ него: философу же нельзя обойтись безъ Вагнера.

Философъ долженъ быть совѣстью своего времени, для этого ему нужно лучше всѣхъ познать его. Но гдѣ бы онъ нашелъ лучшаго проводника черезъ лабиринтъ современной души, болѣе убѣжденнаго сердцасвѣдца, чѣмъ Вагнеръ?—Черезъ Вагнера современность говоритъ своимъ самымъ задушевымъ языкомъ: она не скрываетъ ни хорошихъ, ни дурныхъ своихъ сторонъ, она забываетъ всякій стыдъ передъ самой собой.

И обратно: выяснивъ себѣ значеніе добра и зла, у Вагнера,—разбираешься и въ

ощанкѣ всего современнаго. Я вполне понимаю, когда музыкантъ говорить: «я ненавижу Вагнера, но я не выношу больше никакой другой музыки». Но я бы понялъ и философа, который объявилъ бы: «Вагнеръ подводитъ итогъ современности». Ничего не подѣлаешь!. Надо прежде самому переболѣть вагнеризмомъ.

ВАГНЕРОВСКІЙ ВОПРОСЪ.

Письмо изъ Турина отъ мая 1888 г.

Ridendo dicere severum.

I.

Я вчера слушалъ — повѣрите ли вы мнѣ?—въ двадцатый разъ мастерское произведение Бизэ. Я опять съ сладостнымъ благоговѣніемъ досидѣлъ до конца, я опять не убѣжалъ. Эта побѣда надъ моей нетерпѣливостью изумляетъ меня. Какъ совершенствуешься отъ такого произведенія! Становишься самъ образцовымъ произведеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ, слушая Карменъ, я казался себѣ болѣе философомъ, лучшимъ философомъ, чѣмъ обыкновенно:—такимъ снисходительнымъ, такимъ счастливымъ, такимъ индусомъ, такимъ усидчивымъ... Пять часовъ сидѣнья — первый этапъ на пути къ святости!.. Смѣю ли я сказать, что оркестровка Бизэ почти единственная, которую я еще могу выносить?

Каждая другая оркестровка, которая теперь *въ славѣ*, вагнеровская, грубая, искус-

ственной и вмѣстѣ съ тѣмъ «невинная», и притомъ говорящая одновременно тремъ чувствамъ современной души—какъ нездорова эта вагнеровская оркестровка! Я называю ее сирокко. Досадливый потъ выступаетъ у меня. Моя ясная погода испортилась.—Музыка Бизэ кажется мнѣ совершенной. Она подходитъ къ вамъ легко, гибко, съ вѣжливостью. Она привѣтлива, въ ней незамѣтно пота при созданіи ея. «Все прекрасное — легко, все божественное обладаетъ легкой поступью»,—вотъ первое положеніе моей эстетики. Эта музыка жестока, утонченна, фаталистична,—при этомъ она остается народной,—она выражаетъ утонченность цѣлой расы, а не отдѣльнаго лица.

■ Она богата. Она опредѣленна. Она строитъ, организуетъ, заканчиваетъ: этимъ она представляетъ противоположность музыкальному полипу — «безконечной мелодіи». — Раздавались ли когда-нибудь со сцены болѣе страдальческіе, трагическіе звуки? И какъ они достигаются? Безъ гримасы! Безъ фальши! Безъ лжи высокаго стиля! Наконецъ, эта музыка обращается къ слушателю, какъ къ разумному существу, даже какъ къ музыканту,—этимъ она тоже представляетъ противоположность Вагнеру, который былъ, во всякомъ случаѣ, невѣжливѣйшимъ геніемъ въ мірѣ. (Вагнеръ относится къ намъ, какъ если бы

мы..., онъ повторяетъ одно и то же такъ часто, что приходишь въ отчаяніе... что начинаешь вѣрить этому...).

И еще разъ повторяю: я становлюсь лучшимъ человѣкомъ, когда этотъ Бизэ со мной бесѣдуетъ, — также лучшимъ музыкантомъ, лучшимъ *слушателемъ*. Можно ли вообще еще лучше слушать?.. Я зарываю мои уши подъ эту музыку, я слушаю ее причины. Мнѣ начинаетъ казаться, что я переживаю ее возникновеніе,—я дрожу отъ опасностей, которыя сопровождаютъ каждый смѣлый шагъ, я восхищаюсь счастливыми случайностями, въ которыхъ Бизэ неповиненъ. И странно! въ сущности я объ этомъ не думаю, или не знаю, до какой степени я объ этомъ думаю, ибо совсѣмъ другія мысли проходятъ тѣмъ временемъ въ моей головѣ. Замѣтили ли вы, что музыка *освобождаетъ* духъ и окрыляетъ мысль? Что чѣмъ больше становишься музыкантомъ, тѣмъ болѣе и философомъ? Какъ будто сѣрое небо отвлеченности прорѣзается молніей, свѣтъ становится достаточно яркимъ для самой филигранной работы мысли, великія проблемы приближаются такъ, что ихъ рукой можно схватить, на весь міръ какъ будто смотришь съ вершины горы. Такъ опредѣляю я философскій паѳосъ. И неожиданно сыплются на меня *отвѣты*, цѣлый маленькій градъ льда и мудрости, рѣшен-

ныхъ задачъ... Гдѣ я?... Бизэ дѣлаетъ меня творцемъ. Все прекрасное пробуждаетъ во мнѣ творчество. У меня нѣтъ другой благодарности, у меня нѣтъ другого мѣрила для того, что прекрасно.

2.

Не одинъ только Вагнеръ «спасаетъ» — «спасаетъ» также и это произведеніе. Слушая его, говоришь «прости» сырому сѣверу и туману вагнеровскихъ идеаловъ.

Ужъ самый сюжетъ освобождаетъ отъ него. Онъ сохранилъ отъ Мериме логику страсти, кратчайшія линіи, суровую необходимость; изъ своей жаркой родины онъ принесъ сухость и *limpidezza* воздуха. Тутъ во всѣхъ отношеніяхъ царитъ другой климатъ. Тутъ говоритъ другая чувственность, другая чувствительность, другая веселость. Музыка эта веселая, но это не французское веселіе, и не нѣмецкое. Это — веселіе африканское, надъ нимъ тяготѣетъ рокъ, счастье его краткое, внезапное, безпощадное...

Я завидую мужеству Бизэ, съ которымъ онъ ввелъ чувствительность, эту южную, смуглую, жгучую чувствительность, которой до сихъ поръ не было мѣста въ европейской музыкѣ.

Какъ благотѣтельно дѣйствуютъ на насъ

золотые полдни ея счастья! Насъ какъ-будто окружаетъ неподвижное, затихшее море...

И какъ убаюкиваетъ насъ маврскій танецъ! Въ его сладострастной нѣгѣ самая ненасытность наша насыщается наконецъ.

Наконецъ—любовь, любовь, возвращенная природѣ! Это не любовь «возвышенной дѣвы», не наивная сентиментальность! Тутъ любовь—фатумъ, роковая неизбѣжность; она цинична, невинна и жестока, и именно потому — естественна. Орудіе этой любви—война, а въ основаніи ея—половая ненависть. Я не знаю другого случая, гдѣ бы трагическій характеръ, составляющій сущность любви, былъ выраженъ такъ ясно, вылился бы въ такую безпощадную формулу, какъ въ этомъ послѣднемъ восклицаніи дон Хозе, которымъ заканчивается все произведеніе:

«Да я убилъ ее».

«Ее—мою обожаемую Кармень...»

Такое пониманіе любви (единственное, достойное философа) рѣдко, и проникнутое имъ произведеніе искусства выдвигается изъ тысячи. Въ большинствѣ случаевъ художники, подобно всему свѣту, заблуждаются и не понимаютъ любви. Не понялъ ея и Вагнеръ. Они воображаютъ себя безкорыстными, если они стремятся къ

выгодъ другого существа, часто даже въ ущербъ своей собственной. Но взаимъ этого они хотятъ обладать этимъ существомъ...

Среди людей всегда останутся вѣрны слова Бенжамена Констана:

— «L'amour est de tous les sentiments le plus égoïste, et par conséquent, lorsqu'il est blessé, le moins généreux»...

3.

Вы замѣтили ужъ, насколько лучше становлюсь я подъ вліяніемъ этой музыки? Il faut méditerraniser la musique: у меня есть основанія для этой формулы. (По ту сторону добра и зла). Это возвращеніе къ природѣ, къ здоровью, къ ясности, молодости, добродѣтели!.. А между тѣмъ я былъ однимъ изъ извращеннѣйшихъ вагнеріанцевъ. Я былъ въ состояніи серьезно относиться къ Вагнеру... О, этотъ старый чародѣй! Какъ сумѣлъ онъ преобразить въ нашихъ глазахъ весь міръ! Первое, что предлагаетъ его искусство, это увеличительное стекло: смотришь въ него и не вѣришь своимъ глазамъ,—все становится большимъ, и самъ Вагнеръ кажется великимъ... Какая муд-